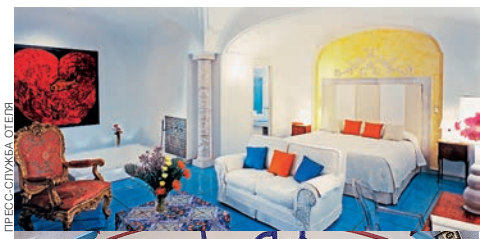
Счастье на обрыве

О радостях Амальфи

Геннадий Йозефавичус

ГЕННАДИЙ ЙОЗЕФАВИЧУС



ПРЕСС-СЛУЖБА ОТЕЛЯ

ГЕННАДИЙ ЙОЗЕФАВИЧУС

ПРЕСС-СЛУЖБА ОТЕЛЯ

ПРЕСС-СЛУЖБА ОТЕЛЯ

— КАК они могут торчать по два часа в бассейне? — думал я, спускаясь к гостиничному пляжу. Море, несмотря на зной, было непривычно холодным — в него дети точно не полезли бы, а бассейн хоть и наполняется морской водой, подогревался, вот Маша с Тимофеем, ее товарищем и сообщником, и сидели в воде часами.

Отпускать одних восьмилетнюю дочь с ее семилетним кавалером было совсем не страшно. Во-первых, оба хорошо плавают, во-вторых, бассейн всегда под присмотром, себе дети никакого ущерба причинить не могли, разве что другим — шалостями. Потому как, понятно, Маша и Тим вели себя ровно так, как обычно ведут себя дети: прыгали, поднимая кучи брызг, ныряли, плескались, бывало, покрикивали друг на друга. Впрочем, море волновалось, волны бились о пирс — брызг и шума на пляже отеля Santa Caterina хватало и без двух шалопаев.

Santa Caterina, амальфитанская гранд-дама, стоит на самом краю высокого клифа метрах в 80 над уровнем моря, потому к пляжу надо спускаться: либо по лестницам, соединяющим террасы, засаженные лимонными деревьями, либо на старомодном лифте того типа, который не едет, если обе дверцы плотно не прикрыты. А еще у лифта одна стена стеклянная, поэтому любой спуск или подъем сопровождается настоящим полетом: ты либо воспаряешь над водой, либо пикируешь на нее. Дети, конечно, предпочитали лифт, но ровно до той поры, пока не открыли для себя сад и амплуа садовых воришек — уж очень им нравились огромные ноздреватые прошлогодние лимоны, висевшие на деревьях вместе с плодами нового урожая. Лимоны можно было срывать, прятать по карманам, не опасаясь сторожа с берданкой — единственный упрек они рисковали получить от кастелянши, изредка выходящей в сад проверить, как там идут дела. Лимонов, кстати, к концу поездки накопилось довольно много, часть из них влезла в чемодан и отправилась — на радость Машиной маме — домой, и аромат их еще долго разбавлял московский невкусный воздух отчетливой нотой счастья и безмятежности.

До Santa Caterina я хотел добраться давно: уж очень эти террасы с лимонными деревьями, этот пляж, который где-то внизу, у основания клифа, этот тихоходный лифт, везущий на пляж и с пляжа, привлекали. Хотелось чего-то такого — несовременного, из итальянских фильмов 1960-х. И чтобы Riva отполированного дерева у причала, и стол под щелястой перголой, собранной из выбеленных зимними дождями прутиков, и керамическая плитка, покрытая барочными орнаментами. Да, и чтобы миска с дымящейся пастой, и запотевшая бутылка, и улыбчивый официант в белом кителе. Ла дольче вита, осмысленное ничегонеделание, совмещенное с созерцанием самых красивых видов на Земле.

А тут все сложилось. И Машины каникулы, и каникулы Тима, и отпуск его родителей, и чудесная погода — когда на солнце жарко, а ночью зной спадает и приходит прохлада с моря и можно спать под шум прибоя без кондиционера, просто открыв балконную дверь.

Нам с Машей дали комнату прямо над Тимом и его родителями; у нас был балкон, у них — терраса, и если бандиты не плескались в бассейне и не ходили по беговым дорожкам в гостиничном спортзале (почему-то им понравилось ходить по этим бесконечным резиновым лентам), то их можно было найти в одном из двух наших номеров. Вообще детям была дана воля: из обязательного — два «У»: умывание и кое-какие уроки из заданного на лето, а в остальном они были предоставлены сами себе. Они что-то вырезали, клеили, раскрашивали, запускали, они резались в компьютерные игры, и любой встреченный на их пути сотрудник отеля мог быть немедленно вовлечен в какую-то затею. Итальянцы и так-то относятся к детям как к принцам и принцессам, а в Santa Caterina сорванцов просто обожествляют. У изредка вылезавших из соленой воды бассейна детей немедленно появлялись стаканы с мохито и яблоки, а если они, обмотавшись полотенцами, доходили до столиков, кто-то из персонала непременно бросался на кухню сказать шефу, чтобы тот немедленно начинал готовить для синьорины ее любимые пустые спагетти, а для молодого синьора — что-нибудь более затейливое, кусок дорады или фритто мисто, горку зажаренных во фритюре крохотных кальмаров и анчоусов.

Ближе к вечеру мы садились в гостиничный микроавтобус и отправлялись в центр Амальфи, города, давшего название всему занесенному в списки Всемирного наследия побережью. Когда-то здесь, в Амальфи, в богатейшем порту Тирренского моря, был основан орден госпитальеров, позже ставший Мальтийским, потом Крестовые походы закончились, порт переехал на юг, в Салерно, и Амальфи, потеряв былое величие, стал городом курортников. Каковым остается и поныне. К ноябрю тут все замирает, к Пасхе, как и положено, воскресает и живет до поздней осени. В каждой дыре открываются лавки с мороженым, а на большую дорогу выходят экскурсионные автобусы, от которых движение по головокружительным серпантинам напрочь встает. Который год местные власти обещают сделать движение — по крайней мере для автобусов — односторонним, но идеи так идеями и остаются: консенсуса в этом вопросе депутаты достичь не могут. Впрочем, пробок можно избежать: надев кроссовки и взяв палки, некоторые отправляются в пешие походы. Родители Тима были из числа этих «некоторых» — тех, для кого тут везде проложены тропы и построены бесконечные, в сотни и тысячи ступеней, лестницы. Из нашего Амальфи до стоящего на горе Равелло ехать по пробкам было часа два, в то время как ходу до самого красивого города побережья по лестницам и тропам 60 минут — и это вверх, возвращаются из Равелло в Амальфи минут за 25–30.

Маше, кажется, в Амальфи понравилось. Хотя, с другой стороны, ей понравилось бы в любом месте, где был бы бассейн с теплой морской водой, сад с лимонными деревьями, бар с детским мохито и ресторан, в котором всегда были бы готовы принести тарелку пустых спагетти. И где друг Тим был бы рад бесконечно обсуждать «Майнкрафт» и технологию изготовления наиболее противных слаймов, нырять до дна бассейна и ходить по беговой дорожке. В Амальфи в Santa Caterina все это, к счастью, было. К Машиному счастью и к моему.